

нормы не только не должны препятствовать (запрещать) установлению на конституционном уровне национальной (государственной) идеологии, но и определенным образом поощрять такие действия национальных законодателей при условии, что такая идеология отвечает современным принципам демократии, общепризнанным принципам и нормам международного права.

Интересным видится даже установление идеологии глобального (общемирового) гуманизма, т.е. нового всечеловеческого гуманизма, включающего в себя все важнейшие достижения человеческой духовности, созданные людьми за всю свою историю. Он, по сути, является своеобразной метаидеологией, которая объединяет все большее число социально сознательных и активных людей планеты.¹

Таким образом, международное право должно стать основой противодействия идеологии терроризма. Причем трансформация международных норм в направлении антитеррористической идеологии должна скорректировать и практическую деятельность субъектов международных отношений.

М.А. Галимова,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Сибирского
юридического института ФСКН России (г. Красноярск)

АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Рассмотрение современного правового обеспечения анти-террористической деятельности, разработка эффективных мер по противодействию идеологии терроризма, совершенствование российского законодательства в сфере противодействия терроризму невозможны без обращения к истории российского законодательства о борьбе с терроризмом.

Террористические проявления в России – явление давнее, берущее начало из глубины веков. В истории российского зако-

¹ Напр.: Дементьева П.С. Глобальный гуманизм как идеология XXI века // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2008. № 4. С. 249-251.

нодательства, посвященного борьбе с терроризмом, можно выделить четыре основных этапа, которые обусловлены характером деяний, признаваемых в качестве террористических:

- 1) XI в. – первая половина XIX в. (террористические проявления в эпоху Средневековья, а также в более ранний период);
- 2) вторая половина XIX в. – 1917 г. (политический терроризм в период революционной активности и формирование идеологии терроризма);
- 3) 1917 – 1990 гг. (советский период проявления терроризма);
- 4) 1990 г. – по настоящее время (качественно новый период постсоветского масштабного терроризма).

Более подробно остановимся на первых двух этапах. Уже в Русской Правде (XI-XII вв.) можно усмотреть зачатки законодательной регламентации ответственности за преступления террористического характера. Краткая редакция Русской Правды предусматривала ответственность за убийство представителя княжеской администрации (ст. 19) и людей, находящихся в зависимости от князя (ст. 22, 23, 24, 25, 26, 27). Аналогичные статьи имелись также в Пространной редакции Русской Правды (ст. 3-8, 11-17). Кроме того, Русская Правда тягчайшим преступлением признавала также поджог (ст. 83).¹

В Псковской и Новгородской судных грамотах (XV в.) в основном развивались положения Русской Правды. В Псковской судной грамоте преступлением признавалось посягательство на запрещенное законом деяние, направленное против органов власти, что являлось важным шагом в законодательном регулировании антигосударственных проявлений (государственных преступлений). Государственная измена («перевет») и поджог были наиболее опасными преступлениями (ст. 7).

В Судебниках 1497 г. и 1550 г. не было законодательно закреплено посягательство на жизнь монарха, которое, по сути, можно расценивать как деяние террористического характера. Основную нагрузку в защите особы царя в доопричный период несли нормы идеологии и морали.²

¹ Здесь и далее тексты нормативных актов см. по изданию: Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. Т. 1, 3, 6, 9 / под общ. ред. О.И. Чистякова. М.: Юридическая литература, 1984.

² Мусаелян М.Ф. Историко-правовой анализ уголовного законодательства об ответственности за терроризм в России (XI – начало XX в.) // История государства и права. 2009. № 13. С. 27-30.

В Опричное время (XVI в.) и период Смуты (XVII в.), которые характеризуются явно террористическими методами правления, криминализация актов террора была невозможна. Однако посягательство на жизнь и здоровье царя и некоторые другие государственные преступления, будучи деяниями террористического характера, были законодательно оформлены и считались тяжкими преступлениями. Это, по сути, было частью политики установления, обеспечения господствующего монархического (государственного) терроризма и ее «успешной» реализации.

Абсолютно обоснованной, по нашему мнению, является точка зрения В.Е. Петрищева о том, что опричнина времен Ивана IV содержала признаки государственного терроризма (терроризма) и являлась первым опытом такового в России.¹ Иными словами, можно говорить о монархическом (государственном) терроризме в России во второй половине XVI в. – первой половине XVII в. и законодательном нерегулировании (некриминализации) как этого, так и других террористических проявлений (деяний) в силу указанных выше причин.

Трактовка государственных преступлений в Соборном уложении 1649 г., и особенно посягательств против государя (монарха), позволяет говорить о начале правового регулирования террористических проявлений в этот период. Так, в Уложении впервые была выделена глава об уголовно-правовой защите личности монарха, нормы которой предусматривали ответственность за «голый умысел», направленный против жизни и здоровья государя (ст. 1), крамолу (измену) и подмет (ст. 2-4), поджог города с целью сдачи врагу (ст. 4), доношительство о преступлениях (ст. 18-19), «скоп и заговор» против должностных лиц центрального и местного управления (ст. 20-22). Необходимо отметить, что деяния, предусмотренные ст. 20-21, были направлены не против государства, а против государя и должностных лиц. В данном толковании усматривается наличие признаков террористического акта.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. предусматривало ответственность за государственные преступления против особы императора и членов императорско-

¹ Петрищев В.Е. Заметки о терроризме. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 189.

го дома, а также против верховной власти. И хотя Уложение в целом не содержало норм о террористических проявлениях, некоторые признаки понятия терроризма были «разбросаны» среди других норм закона.

Таким образом, законодательство рассматриваемого этапа характеризуется фрагментарной криминализацией деяний, имеющих признаки преступлений террористического толка.

Следующий этап (вторая половина XIX в. – 1917 г.) характеризуется появлением в Российской империи такого явления, как политический терроризм и формирование идеологии терроризма в целом. Одним из первых документов подобного рода является «Катехизис революционера» – программа террористической деятельности, созданная С.Г. Нечаевым на основе идей ряда революционеров (С.Г. Нечаев, М.А. Бакунин, Н.П. Огарев). В «Катехизисе революционера» были изложены базовые принципы ведения террористической деятельности, а также представлены основные дефиниции, на которых впоследствии формировалась теория террора в России.¹

Большую роль в идеологическом оформлении террористической деятельности в Российской империи сыграл Н.А. Морозов, член «Земли и воли», который фактически разработал концепцию террористической деятельности в России, получившую отражение в программе «Террористическая борьба», а также в нескольких революционных статьях. Так, в статье «Значение политических убийств» от 14 марта 1879 г. террор представлен в качестве главного средства политической борьбы, а политическое убийство – в качестве акта мести. По мнению автора, системное применение такого метода борьбы, как политическое убийство, являлось наиболее эффективным способом революционной пропаганды, поскольку «мгновенно разносится этот удар по всему государству и производит неурядицу во всех его функциях»². Однако особое значение для формирования теории террора в Российской империи имела именно программа «Террори-

¹ Колотков М.Б. К вопросу о формировании террористической идеологии в Российской империи в 1860-1880 гг. // История государства и права. 2014. № 11. С. 3-6.

² История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. Ростов-на-Дону, 1996. С. 92.

стическая борьба», подготовленная Н.А. Морозовым в 1880 г. Данная программа являлась одним из первых в России источников, документально закрепивших понятия «террористическая революция», «террористическая деятельность», «террористическое движение», «террористическая партия», «революционеры-террористы», «террористы» и т.д.¹

Следует отметить, что первые акты политического террора, произошедшие в 1866 г. и в 1867 г., не были восприняты властью всерьез. Правительство рассчитывало пресечь деятельность преступных элементов в рамках действующих нормативно-правовых актов, однако дальнейшее развитие событий показало несостоятельность подобного подхода. Лишь вскоре после террористического акта 1 марта 1881 г. и гибели императора Александра II появляется «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» от 14 августа 1881 г. Этот документ, говоря современным языком, устанавливал порядок введения режима чрезвычайного положения («состояния усиленной охраны») в местностях, где происходили серьезные нарушения государственного правопорядка и общественной безопасности.² Кроме того, на территориях, объявленных в режиме чрезвычайного положения, учреждался Военный суд для закрытого рассмотрения тех уголовных дел, которые вызывали нарушение общественного порядка и введение чрезвычайного положения. Таким образом, Александр III ввел особые законодательные меры для подавления террористических угроз. Аналогичная ситуация имела место в 1906 г. путем принятия Положения Совета министров о военно-полевых судах от 19 августа 1906 г.

Применительно к введению уголовной ответственности за преступления террористической направленности необходимо отметить, что революционная ситуация, имевшая место во второй половине XIX в., обусловила принятие фундаментального правового акта Российской империи – Уголовного уложения 1903 г., в котором государственные преступления были распределены по трем главам: «О бунте против верховной власти и о

¹ История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. С. 95-108.

² Исаева Т. Российское законодательство о противодействии терроризму второй половины XIX века // Законность. 2007. № 7. С. 15-19.

преступных деяниях против священной особы императора и членов императорского дома» (глава третья), «О государственной измене» (глава четвертая) и «О смуте» (глава пятая). Так, предусматривалась уголовная ответственность за посягательство на жизнь, здоровье, свободу или вообще на неприкосновенность священной особы царствующего императора и членов императорского дома (ст. 99, 101, 102, 105 Уложения).

По мнению В.Е. Петрищева, является неправильным отождествление исторических заговоров и политически мотивированных убийств царствующих особ или высокопоставленных вельмож периода российского самодержавия с современным пониманием терроризма и террористических актов, так как политические убийства царствующих особ группами заговорщиков более соответствуют деяниям, квалифицируемым в настоящее время как насильственный захват власти или насильственное удержание власти (ст. 278 УК РФ), а также как убийство (ч. 2 ст. 105 УК РФ). В то же время в покушениях на членов царской семьи и представителей органов власти конца XIX в., имевших место после покушения на Александра II в 1866 г., автор усматривает признаки современного понятия «террористический акт».¹ Следует согласиться с тем, что политически мотивированные убийства царствующих особ или высокопоставленных вельмож вследствие заговоров не тождественны современным понятиям «терроризм» и «террористический акт». Однако они не лишены признаков террористической деятельности (терроризма). Н.Ф. Кузнецова цареубийства, убийства претендентов на престол, террор против собственного народа справедливо называет «белым террором российской монархии»².

Как отмечает С.С. Галахов, еще ранее, в Своде законов Российской империи, появилась группа терминов, описывающих преступления, относящиеся к категории государственных, – «бунт», «заговор», «мятеж», «смута», в определениях которых содержатся отдельные элементы, «вписывающиеся в современ-

¹ Петрищев В.Е. Указ. соч. С. 190-191.

² Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1 / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М.: Зерцало-М, 2002. С. 27.

ное понятие терроризма».¹ По сути, Уголовное уложение 1903 г. уголовно наказуемыми признавало деяния, по содержанию смежные с современным понятием терроризма.

Таким образом, законодательство рассматриваемого периода не оперирует понятиями «терроризм» и «террористический акт» – они полностью еще не оформились, но предусматривает ответственность за деяния, аналогичные им. Вместе с тем сам термин «терроризм» уже введен в оборот.

М.В. Грамматчиков,

кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Сибирского
института бизнеса, управления и психологии (г. Красноярск)

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ТЕРРОРИЗМА

Следует констатировать, что в настоящее время волна актов терроризма буквально захлестнула весь мир. За скугими статистическими данными скрываются гибель ни в чем неповинных людей, потеря близких и родных, увечья, утрата имущества. Несмотря на то, что еще в 70-е годы XX века проблема борьбы с терроризмом заметно обострилась, однако в последнее десятилетие эта проблема приобрела особую актуальность как для всего мирового сообщества, включая Европу, так и для России. Россия занимает далеко не последнее место по числу совершаемых террористических актов.

Отметим, что современное международное сообщество пока не может дать единого определения терроризма, а попытки разработать единую, всеобъемлющую конвенцию относительно международного терроризма, которая содержала бы это определение, пока не увенчались успехом.

Одной из фундаментальных проблем исследования терроризма является выработка понятийного аппарата. Сегодшество

¹ Галахов С.С. Криминальные взрывы. Основы оперативно-розыскной деятельности по борьбе с преступлениями террористического характера. М.: Экзамен, 2002. С. 19-21.